

Наталья Шорохова

Хранитель кошмаров

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Ш79

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ,
ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЁТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Шорохова Н.

Ш79 Хранитель кошмаров / Наталья Шорохова. – М.: Литнет,
2026. – 192 с.

ISBN 978-5-521-99128-0

После гибели родителей 24-летний Максим берёт на себя заботу о младшей сестре Лизе. Их размеренная жизнь рушится, когда девушку начинают преследовать кошмарные сны: тёмные коридоры заброшенной больницы, зловещие тени, пугающие голоса. Попытки найти рациональное объяснение терпят крах – кошмары становятся всё более реалистичными и проникают в повседневность.

В поисках спасения Максим и Лиза отправляются в старый особняк, принадлежавший их деду. Дом хранит множество тайн, а его стены помнят давние трагедии. Здесь герои сталкиваются с наследием прошлого – мрачными экспериментами, оккультными ритуалами и сущностями, жаждущими вырваться в реальный мир.

Постепенно граница между сном и явью стирается: кошмары Лизы начинают проникать в реальность, а тени из прошлого обретают плоть. Максим вынужден вступить в борьбу не только за жизнь сестры, но и за собственную душу, столкнувшись с наследием, которое оказалось сильнее времени.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99128-0

© Литнет, 2026

© Шорохова Н., 2026

Предисловие

Я пишу эти строки в темноте, где тени не просто шевелятся – они дышат. Они знают, что я снова взялся за перо. Знают – и ждут.

Меня зовут Максим Волков. Когда-то я был просто исследователем, одержимым историей забытых мест. Теперь я – последний свидетель того, что скрывается за тонкой завесой реальности. Если вы держите в руках этот дневник, значит, круг замкнулся. Вы уже в игре. Даже если еще не осознаете этого.

Тени прошлого не уходят – они затаились в углах, дожидаясь момента, когда кто-то осмелится поднять завесу над тайнами, которые человечество отчаянно пытается забыть. Они шепчут. Они знают имена. Мое – в особенности.

Всё началось в 1973 году, когда психиатрическая больница «Надежда» была официально закрыта из-за нехватки финансирования. Официальная версия всегда проста, не правда ли? Но местные жители знали правду. Они передавали шепотом истории о подвалах, где проводились эксперименты с сенсорной депривацией и психотропными веществами – опыты, выходящие за грань науки и морали. О ночных криках, от которых стыла кровь в жилах. Об исчезнувших пациентах, чьи имена стирались из архивов так же быстро, как их следы на больничном дворе.

Я не собирался лезть в это. Всё началось с кабинета деда: там, среди забытых вещей, я наткнулся на стопку пожелтевших бумаг. Дневники безумного доктора, – записи о пациентах, старые заметки. Казалось, время застыло в этих страницах. Я листал их, не веря своим глазам, и чем глубже погружался в чтение, тем сильнее становилось ощущение, что за строками скрывается нечто необъяснимое.

Почему дед скрывал это? Если он оставил дневники, значит, хотел, чтобы их нашли. Но зачем? Эти вопросы гнали меня дальше. И я поднялся на чердак.

Пыль висела в воздухе, словно охраняя тайны, спрятанные здесь десятилетия назад. В углу, заваленный коробками, лежал старый архив. Дрожащими руками я развязал шнуры и обнаружил фотографии и документы. От некоторых находок по спине пробежал холодок.

На одном снимке – пациенты с неестественно расширенными зрачками, будто их взгляд пронзал не только объектив камеры, но и саму реальность. Когда я разглядывал фото, мне показалось, что зрачки следят за мной. На другом – непонятные символы, выведенные кровью на стенах палаты № 13. Каждая фотография, каждый лист бумаги словно шептали: «Ты открыл дверь в мир, где правила здравого смысла больше не действуют».

Каждый документ был ключом к кошмару, который давно перестал быть прошлым. Он жив. Он ждёт.

В этих стенах до сих пор живут кошмары. Они притаились в коридорах, где когда-то раздавались шаги врачей и стоны больных. Они прячутся в тенях, которые движутся вопреки законам физики. Они шепчут имена тех, кто осмелился заглянуть за край.

Я веду этот дневник не ради воспоминаний. Эти страницы – моя последняя попытка сохранить рассудок в полумраке, где реальность переплетается с кошмарами. Каждая буква здесь – битва с собственными демонами. Каждая строка – оружие против тьмы, которая уже протягивает ко мне свои холодные пальцы.

Когда я переступил порог заброшенного корпуса, воздух сгустился, словно время здесь остановилось в 73-м. Запах сырости и формалина бил в нос, половицы скрипели под ногами, а на стенах пятнами расплзлась плесень. Треснутые стёкла в шкафах отражали тусклый свет, превращая пространство в лабиринт искаженных образов. Где-то вдали капала вода, словно отсчитывая чьи-то последние мгновения.

Всё началось с экспериментов, где грань между исцелением и пыткой растворилась без следа. О сущностях, которых впоследствии одержимый ученый пытался сдержать, но которые вырвались на свободу, впитав в себя страх, боль и безумие тех, кто стал их невольной жертвой.

Как психиатр, я знаю: галлюцинации не фиксируются объективом. Но эти снимки... Я пересматривал их снова и снова – и каждый раз холод пробегает по спине. Тень двигалась. Это невозможно – но она двигалась. На одном из фото, в углу кадра, виднеется силуэт – длинный, изогнутый, не похожий ни на один известный образ. И он... менял положение.

Дождь стучит в окно, словно пытаясь вырвать меня из последних оков здравомыслия. Но я должен закончить. Должен передать вам то, что узнал. Это мой долг перед теми, кто пострадал. Перед теми, кто может пострадать в будущем.

Эти страницы – не книга. Это ловушка. И вы уже внутри.

Если вы всё ещё здесь – вы предупреждены. То, что скрывается за этими строками, не для слабонервных. Это путешествие в самое сердце тьмы. Назад дороги не будет.

И помните: их шепот уже вплетен в стук вашего сердца – вы просто пока не различаете ритм.

Некоторые двери лучше не открывать. Особенно те, что скрипят в темноте под весом забытых криков. Особенно те, за которыми слышен шаг – размеренный, как пульс. А потом вы понимаете: это бьётся не ваше сердце.

Максим Волков

Р. С. Последнее, что я услышал перед тем, как закрыть архив, был шепот. Он произнёс моё имя – но голосом, которого я никогда не слышал. Когда я обернулся, в зеркале мелькнуло нечто... чуждое. Оно не имело лица, но я почувствовал его взгляд – холодный, изучающий. И тогда я понял: оно знает, что я здесь.

Глава 1. Первые признаки

Тусклый свет осеннего утра пробивался сквозь запыленные окна старой хрущёвки. На кухне пахло ванилью и жареным тестом – Максим дожаривал сырники, мысленно прокручивая список дел на день. Тиканье старых часов и шипение масла на сковороде сливались в привычную утреннюю мелодию.

Максиму было 24 года. После преждевременной кончины родителей три года назад он взял на себя опеку над шестнадцатилетней Лизой. Теперь каждое утро начиналось с заботы о сестре – и попыток сохранить хрупкое равновесие их маленькой семьи.

Он аккуратно выкладывал золотистые сырники на тарелку, когда услышал, что младшая сестра наконец поднялась.

– Лиза, сегодня же будний день! Ты опять допоздна сидела за уроками? – не оборачиваясь, спросил он.

В ответ – тихое шарканье тапочек по полу. Максим повернулся и замер. Лиза выглядела... странно.

Ее яркие глаза потухли, под ними залегли темные круги. Волосы растрепались, плечи поникли, будто несли невидимую тяжесть.

– Что случилось? – Максим поставил перед ней тарелку с сырниками и чашку горячего чая, стараясь скрыть беспокойство.

Она медленно опустилась на стул, уставившись в окно. За стеклом кружилась осенняя листва. Чашка в руках Лизы дрогнула – на светлой скатерти расплылось коричневое пятно, будто тень, которая не хотела исчезать.

– Макс... – голос дрогнул. – Мне страшно.

Максим напрягся. Лиза никогда не пасовала перед трудностями, всегда первой бросалась на помощь. В голове пронеслось: «Что могло так повлиять на нее? Школа? Друзья? Или тут что-то более серьезное?»

– Я больше не могу это выносить. Каждую ночь меня мучают кошмары. И они становятся всё хуже.

В её глазах блеснули непролитые слёзы. Максим внимательно посмотрел на сестру.

– Расскажи.

Она обхватила чашку, будто пытаясь согреться.

– Сначала были просто странные сны. А теперь... они превратились в настоящий ужас. Я просыпаюсь в холодном поту, сердце колотится как сумасшедшее. И каждый раз – один и тот же кошмар.

– Опиши, что видишь. Может, вместе мы найдём объяснение, – он присел напротив, стараясь говорить ровно.

Лиза покачала головой, будто боясь произнести вслух то, что её терзало. Потом, словно решившись, заговорила – и с каждым словом ее голос слабел:

– Тёмные коридоры. Холод пробирает до костей, пахнет тлением, как от перегоревшей проводки. И этот звук... будто кто-то шепчет моё имя на грани слышимости. А потом я вижу их.

– Кого?

– Тени. Они двигаются, меняют форму. Иногда в них проступают чужие, уродливые лица – одно из них, будто с тремя глазами, они следят за мной, даже когда я отворачиваюсь. Тянутся ко мне, хотят утащить в эту тьму. Я чувствую их пальцы – сухие, как ветки, – на своей коже... А еще... иногда я вижу мерцающий свет в конце коридора – бледно-зелёный, как болотные огни. Он манит меня, но стоит приблизиться – превращается в зияющую черную дыру, из которой доносятся стоны.

Холодок пробежал по спине Максима. Слова Лизы повисли в воздухе тяжёлым грузом.

Он знал сестру как никто другой – и понимал: это не обычные ночные страхи. Кошмары казались слишком реальными, слишком настойчивыми. Словно кто-то или что-то преследовало её во сне.

Максим пытался найти объяснение. Стресс от учебы? Ссора с другой? Но интуиция кричала: нет. «Что, если это не просто сны? Что, если за ними стоит нечто большее – что то более... зловещее?»

Он вспомнил её слова о тенях, шепоте, тянущихся руках. Все это походило на что-то сверхъестественное.

Внутри Максима просыпалось что-то древнее – инстинкт защитника. Но как защитить сестру от того, что приходит во снах? От того, что заставляет её просыпаться в холодном поту?

Он сжал в руках чашку с остывшим чаем, пытаясь придумать план и действовать рационально.

– Давай съездим на выходные в старый особняк деда? Поменяем обстановку, разведемся. Возможно свежий воздух может помочь тебе справиться с этими видениями. К тому же, я давно хотел привести дом в порядок.

Лиза бездумно повертела в руках недоеденный сырник, отпила чуть тёплый чай. В её взгляде боролись страх и надежда.

– В тот старый особняк? – голос звучал настороженно.

– Да. Мы не были там со смерти деда. Нужно проверить, всё ли в порядке.

Лиза колебалась.

– Хорошо. Давай попробуем.

Лиза встала из-за стола. Усталость явственно проступала в каждом движении.

– Я пойду собираться.

– Подожди! – Максим поднялся. – Может, подвезти тебя до училища?

Лиза остановилась в дверях. Солнечный свет очертил её силуэт.

– Нет, спасибо. Хочу прогуляться, насладиться последними тёплыми деньками.

Максим кивнул, но тревога не утихала. Он смотрел, как сестра собравшись выходит из квартиры, и чувствовал, как внутри растёт тяжёлое предчувствие.

В этот момент его телефон тихо завибрировал. На экране высветился незнакомый номер. Максим нахмурился, поднес аппарат к уху.

В трубке – короткий гудок, затем тишина. И едва уловимый шёпот, который он не успел разобрать.

«Только бы успеть», – подумал он.

Но что именно успеть – он и сам не знал. Ощущение надвигающейся беды становилось всё сильнее, сковывая ледяными пальцами.

А за окном, будто в насмешку, сияло осеннее солнце, и ветер кружил золотые листья.

Старый особняк стоял на окраине поселка, окруженная заросшим садом. Когда-то это был дом деда по отцовской линии – место, где Максим и Лиза проводили каждое лето, пока не случилась та самая ссора.

Отец тогда резко порвал отношения с дедом. Причины конфликта остались для детей загадкой – взрослые лишь хмурились при упоминании старика. После этого визиты в особняк прекратились.

Дед умер десять лет назад, и после похорон родители так и не вернулись в старый дом. А вскоре не стало и их самих.

Теперь старый особняк оставался единственным материальным следом прошлого – молчаливым свидетелем детских воспоминаний и семейных раздоров. Максим не знал, что ждёт их там, но возможно смена обстановки это именно то, что нужно Лизе.

За окном раздался резкий скрежет – будто кто-то провел гвоздём по металлу. Максим обернулся, но увидел лишь качающиеся на ветру ветви старого дуба.

Сердце сжалось. «Не хватало, чтобы и я себя накручивал». Максим покачал головой отмахиваясь от тревожных мыслей после рассказа сестры.

Он прошёл в гостиную и замер. Старые часы на стене, которые он помнил с детства, вдруг остановились – стрелки застыли на 3:07. В воздухе витал едва уловимый запах сырости и чего-то ещё... будто тления, как в кошмарах Лизы.

На полу, в углу, он заметил странную тень – она будто пульсировала, меняя очертания, хотя источник света оставался неизменным. Максим моргнул – тень исчезла.

«Это просто игра воображения» – подумал он, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

Глава 2. Отпечаток

Лиза проснулась в ледяной испарине, с хриплым, задушенным всхлипом. Сердце колотилось так бешено, что, казалось, ребра вот-вот треснут, разлетятся осколками под напором изнутри. В темноте комнаты пульсировал глухой, тягучий звук – будто кто-то медленно, с мерзким скрежетом царапал ногтями по бетонным стенам. Звук шёл отовсюду: из-за шкафа, из-под кровати, из углов, где сгущалась особенно плотная тьма.

Она подняла руку к лицу. На запястье – багровый след, четкий отпечаток пальцев. Не сон. Не сон.

Лиза сжала пальцы в кулак, пытаясь унять дрожь. Кожа вокруг отпечатка горела, будто ее ошпарили. Она помнила. Помнила всё.

Накануне она проснулась от того же липкого ужаса, только тогда тьма ещё играла с ней, дразнила. Тени скользили по стенам, шептали её имя, звали за собой. Но в этот раз... В этот раз одна из теней вырвалась из угла, рванулась к ней с нечеловеческой скоростью. Холодные пальцы сомкнулись на запястье, и Лиза почувствовала, как её волокут куда-то – вглубь коридоров, в чёрную бездну, где не было ни света, ни звука, ни надежды.

Она боролась. Кричала. Царапала невидимую плоть, но хватка лишь усиливалась. И тогда Лиза поняла: если она сейчас не вырвется, всё будет кончено. Она никогда не проснётся. Никогда не вернётся домой.

С последним отчаянным рывком она вырвалась – и тут же рухнула на кровать, задыхаясь, с бешено колотящимся сердцем. А на запястье остался след. Реальный. Жгучий.

Теперь Лиза сидела на краю постели, обхватив колени руками, и смотрела на дверь. Та казалась ей ловушкой, порталом в тот самый коридор, откуда её вытащили лишь чудом. Тени по-прежнему были здесь – притаились в складках занавесок, за мебелью, в глубине шкафа. Они ждали. Наблюдали. Готовились.